

і недаверам. І таму “атавай узыходзіць мудра туга”. Зноў з’яўляецца вобраз, наўрад ці знаёмы спякотнаму поўдню Бібліі, але звыклы беларусу – атава на лузе.

Паэтычны цыкл “Ружанец” уяўляе сабой вершаваны выклад кананічных малітваў для праваслаўных і каталікоў: “Ойча наш”, “Багародзіца Дзева, радуйся”, “Сімвал веры”, ранішнія і вячэрнія малітvasлоўі. У канон Р. Барадулін прыўносіць нацыянальны каларыт, напрыклад, дапаўняе асабістымі прашэннямі за братоў і бацькоў:

Усім, хто слугуе роднаму краю

Нашу мову мілуе

Палажы сцяжыну да раю

Даруй ім і праграшынку малую [1, с.207].

Або, звяртаючыся да Анёла-ахоўцы, просіць яго маліцца:

Каб верны быў я

Крывіцкай святой старане,

Мове матчынай –

Як найраднейшай балючай радні [1, с.209].

На заканчэнне адзначым, што біблейскія вершы Р. Барадуліна – гэта не толькі асабістая споведзь пра набалелае: мову, гісторыю, радзіму. Гэта таксама спроба пры дапамозе біблейскіх рэмінісцэнцый узняцца праз індывідуальнае перажыванне да асэнсавання анталогіі і дыялектыкі нацыянальнага і агульначалавечага.

Літаратура

1. Барадулін, Р. Збор твораў. Т. 3. Паэмы, вершы / Р. Барадулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1999. – 335 с.
2. Лявова, Е. А. “Святы анёле, ахоўца маёй душы...”: Вобразы анёлаў у літаратурна-мастацкай парадыхме / Е. А. Лявова // Роднае слова. – 2016. – № 8. – С. 3 – 6.
3. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
4. Штэйнер І.Ф. Super flumina Babylonis: біблейскія міфалагемы ў паэзіі Рыгора Барадуліна / І. Ф. Штэйнер. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 76 с.

V. I. Utkevich

Vitebsk State Technological University

e-mail: utkevich@mail.ru

The Belarusian's mindset through biblical reminiscences of R. Baradulin

Key words: mindset, national character, Bible, biblical reminiscences, R. Baradulin's poetry.

The article analyzes R. Baradulin's poems "Trykiry", "Rosary", "The poem-traveler" from the standpoint of characteristics of Belarusian mindset disclosure, against the background of the author's rethinking of biblical texts as universal sources of creativity and philosophy. Substantiates the idea, that the Bible verses of R. Baradulin is a confession about sore: about the language, history, motherland, and together is an attempt to understand the dialectics of national and universal.

Н.В. Цветкова

Псковский государственный университет

e-meil: tsvetkova48@yandex.ru

УДК 82.09

«ПСКОВИТЯНКА» Л.А МЕЯ В ОЦЕНКЕ А.А. ГРИГОРЬЕВА: ОБРАЗ ПСКОВИЧА

Ключевые слова: Л. А.Мей, А. А.Григорьев, драма «Псковитянка», критическая оценка, национальный характер, образ псковича.

В статье анализируется не введенная до настоящего времени в науку критическая статья А.А. Григорьева о драме Л.А. Мей «Псковитянка», рассматриваются его оценки образов псковичей и проявления их характеров в переломную эпоху в истории Псковской вечевой республики.

В своих часто парадоксальных оценках А. А Григорьев был всегда верен критерию «органической критики» – увидеть в художественном произведении его национальную суть, живую, «сердечную мысль». Написанная к 1859 году «Псковитянка», историческая драма его друга по московскому кружку Л.А. Мей, привлекла критика именно этими чертами, стала толчком к созданию статьи «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» [1], опубликованной в 1861 году в журнале братьев Достоевских «Время». К этому времени он известный критик, который защищает основы своей оригинальной «органической критики», споря с последователями В. Белинского – сторонниками реальной критики Н.Г. Чернышевским и Н.А.Добролюбовым

– как «теоретиками», отрицателями русской жизни. По замечанию Б.Ф. Егорова, «учение «теоретиков», то есть революционных демократов», как считает Григорьев, «не учитывает всей сложности жизни» [3, с.224].

Критика А.А. Григорьева возникает «на почве своеобразной оппозиции искусства по отношению к усилившимся рационалистическим и вульгарно-материалистическим тенденциям в искусствознании», в результате чего его эстетика, «опирающаяся на интуитивные начала в познании и выдвигавшая искусство как форму постижения жизни, наиболее адекватной самой жизни, представляла собой не стройную систему, а открытый длящийся процесс осмысления непосредственного опыта искусства» [5, с.43]. Стремление в критической статье дать представление о «мысли сердечной», о героях художественного произведения, приблизив его к жизни, по нашему мнению, выгодно позиционирует А.А. Григорьева по отношению к современным ему критикам.

Ко времени написания разбора «Псковитянки» Григорьев – автор важных в его критической деятельности статей, опубликованных в 1861 году в журнале «Время» Достоевского: «Народность и литература», «Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы», «Белинский и отрицательный взгляд в литературе», «Оппозиция застоя, черты из истории мракобесия», составлявших, по замыслу критика, цикл, о чем свидетельствовал его друг и ученик Н.Н. Страхов. Название его «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина». В этом цикле не могли не отразиться идеи почвенничества (неприятие западной цивилизации, движение национальной русской интеллигенции за возвращение к народным основам, традициям и идеалам и др.). Но самой важной осталась тема народности, русского национального характера, которая всегда волновала критика. Отметим также, что еще в 1859 году в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» именно Пушкин для Григорьева становится олицетворением русского человека, русского национального характера, его духовной и душевной сущности: «Пушкин – наше все» [2, с.78]. Свои мысли о Пушкине он повторяет в названном цикле. Б.Ф. Егоров справедливо писал: «Григорьев долго, в продолжение всей деятельности, бился над проблемой национального характера <...> был, возможно, единственным в России мыслителем, который в условиях 50-х годов так внимательно занимался национальной проблемой» [3, с.226–227].

Добавим, что эта проблема была важна ему до конца жизни, решалась им и в статье о драме Мея «Псковитянка», которую он назвал «серьезной вещью», «честным и даровитым трудом» [1]. С самого начала статьи в ней живо и эмоционально, с интересом были рассмотрены женские образы и характеры, осмысленные в сравнении с характерами героинь пьес А.Н. Островского и в сопоставлении с тем, как понимал критик русский женский характер вообще. Анализируя образы псковитянок, Григорьев видит в них явную переключку с современностью.

И все же, в понимании критика, самым важным в пьесе Мея стала связь с предшествующей литературной традицией. Он писал, что «"Псковитянка" <...> так замечательна, что замечательнее-то в этом роде у нас и нет ничего: ведь эта сторона "Псковитянки" стоит наряду, – шутка сказать! с Пушкинским Борисом» [1].

Григорьев сближает историческую драму Мея с «Борисом Годуновым», чтобы подчеркнуть их народный характер и похожую проблематику (народ и власть). Он также понимает, что исторические драмы Пушкина и Мея обусловлены переломными эпохами в народной жизни: первая эпохой Смуты, вторая – эпохой крушения вечевого республиканства в Пскове. Несомненно, что и свое время Григорьев воспринимает как особый период в истории России, в связи с чем он считает, что «правда и красота драмы» и ее поэтическое ядро состоят в изображении исторических событий, а не интимных отношений молодых героев. Переломная эпоха, своим трагическим содержанием влияющая на судьбы псковичей и Пскова, не может оставить в покое никого, выявляя дух и душу изображенных Мея людей, их мироотношение, их готовность к самому страшному испытанию, которое изображено в 3 акте пьесы, в сцене Псковского веча.

Григорьев замечает, что «"Псковское Вече" давит собою всю "Псковитянку" и широтой своего замысла, глубоким постижением русского народного духа, художественным спокойствием, соединенным с истинно-драматическим содержанием, давит в нашей современной драматургии все, кроме, разумеется, драм Островского...» [1]. События истории критик воспринимает как испытание, высвечивающие ярче образы псковичей, а в их характерах национальные черты.

В сцене веча Мея показывает и психологию псковичей, и эмоциональные всплески в страшную минуту ожидания прихода в город Ивана Грозного, уже разорившего Новгород. Критик подробно разбирает образы, характеры и поведение людей, оказавшихся вместе в трудную минуту выбора: защищать псковскую вольницу или подчиниться исторической необходимости и стать частью московского государства.

По мысли Григорьева, в сцене Псковского веча проявляется большой талант Мея, изобразившего людей перед лицом истории в ее самых обычных и поэтому страшных проявлениях. Критик

пишет: «Трезвую любовь к нашему быту нужно было иметь для такого изображения, какое принял наш поэт, глубину и вместе народную простоту взгляда» [1].

Восторгаясь народными образами Федоса Гоболя, Колтыря Ракова, Дмитро Патракеевича и др., критик говорит о «ярком отпечатке», лежащем на каждом, об их естественности («рождены с плотью и кровью») и об общей атмосфере народного собрания: «В тоне красок картины такая жизненная многосторонность – то юмор народный, то обрядовая сторона уважения к действию "по пошлине", по чину, то патриархальность, то общинный дух; такая объективная умеренность, совершенно русская в трагизме, и вместе в целом такое сосредоточенное движение, что впечатление вполне сильно и цельно» [1].

Григорьеву, как человеку религиозного сознания, близки герои-псковичи в их мироотношении и поведении: их православный патриархальный и общинный дух, который оттеняют и юмор, и доброта взаимоотношения, крепнущие от осознания общей трагедии. Отсутствие фальши в изображении псковичей особенно подчеркнуто в языке выступающих, речи которых «вполне живые, пересыпанные юмористическими выходками, которые никогда, ни в какую даже общественно-трагическую минуту не покидают русского человека. Ловкие и меткие прозвища сыплются то тому, то другому из очередных; прозвища, полные какого-то размашистого и вместе наивного и любовного юмора» [1].

В поле зрения критика обращение к псковскому собранию приехавшего из Новгорода псковича Юшки Велебина, рассказывающего о царской расправе. Мей сопровождает его голосами людей из толпы, говорящих о своей беспомощности перед властью. По мнению Григорьева, драматург передает состояние, испытываемое собравшейся толпой, в которой есть единство мироотношения, «полного величаво-спокойного горя, мирных упреков, горького фатализма и сдавленных рыданий по великом покойнике» [1] – свободном Пскове. Григорьев с особым сочувствием и интересом проследживает нарастание этого настроения и состояния в псковском народе, происходящего под влиянием речи должителя и мудреца, многовидевшего и испытавшего на своем веку, Максима Иларионовича, старого степенного посадника. По мысли критика, Мей воплотил в этой сцене «апогей трагедии» [1].

Критик воспринимает слова и образ этого человека как олицетворение русского человека вообще в его непрестом отношении к власти. В его словах он слышит «и горе до ужасающей оледенелости причитанья по невозвратном покойнике, и иронию до наивности юмора, и покорность року до фатализма» [1]. Григорьев понимает выражаемое стариком мироотношение, в котором все это слито воедино, как «нечто такое трагическое в своем ледяном спокойствии, нечто столь глубоко-схваченное в нашей сущности и быту, что дается с таким техническим совершенством только великим мастерам искусства» [1].

Но в драме есть и лицо, с которым связано гармонизирующее и позитивное начало, обращенное к собравшимся, – Юрий Токмаков, «степенный посадникъ, князь, наместник», «честный, доблестный пскович и вместе честный, верный слуга земского единства – Москвы» [1]. Его миротворную речь слушает псковское вече, по словам критика «потому что князь Юрий точно добра желает о сударям псковичам, не хочет "наказывать" государю Пскову» [1].

Однако голоса псковского веча, как трагические, так и миротворные, не хочет слушать молодая псковская вольница, вызывающая осуждение народного собрания. Не случайно современный ученый Е.П.Иванов говорит о свободолюбии псковичей: «Псковичи отличались любовью к свободе. Свободолюбие во многом объяснялось демократическим, республиканским строем жизни Пскова» [6, с.10].

Молодые посадничьи Михаил Туча, Четвертка Терпигорев, Василий Борбошин, Колтырь Яков и др. прощаются с князем Токмаковым. Туча говорит от лица псковской вольницы:

...Не поминай нас лихом!..

Великий Псков оставил государю

Святыню храмов, вече вековое,

Дома и землю, семьи и могилы...

А волю сложит к царскому подножью –

Где Бог укажет – с буйной головою [7, с.491].

Сравнивая речь старого посадника Максима Иларионовича с прощальным словом молодого Тучи, А. Григорьев восклицает: «Какъ хороша в другом совершенно роде речь Михайла Тучи и его прощанье с Псковом-осударем, за которым следуют взрыв толпы и прощанье с Псковом его сторонников, идущих с ним на бесполезную, но честную гибель с удалю прощальною песнью!..» [1]. Мысль о «бесполезной, но честной гибели» выделена критиком. Несмотря на то, что он принимает и разделяет приобретенную опытом и годами мудрость в речах Юрия Токмакова и Максима Иларионовича, он восхищен и образами молодых псковичей, молодой свободной стихией и силой.

По мысли Григорьева, герои исторической драмы Мея «Псковитянка» выступают как носители общего, соборного сознания. Но для критика важной «была проекция русского сознания в психологию – ему интересно в литературе воплощение национального характера – «русской души» <...>

Отсюда григорьевская типология героев русской литературы – их два противоположных типа: «смирный» и «хищный» [4]. Критик предвосхитит в таком понимании выводы русских философов конца XIX – начала XX века: Н.Бердяева, Н. Лосского и др. «Смирный» характер – исконно русский, не конфронтационный, «хищный» – индивидуалистический [4].

«Индивидуалистическим» типом в драме представлены молодые псковичи. Однако их образы вызывают не меньшее восхищение критика, чем смиренные миротворцы – князь Юрий Токмаков и люди старшего поколения.

Таким образом, в героях-псковичах переломная в истории Пскова эпоха выявила самое главное в двух типах русского национального характера – терпение и смирение перед властью в людях старшего поколения, умудренных жизненным опытом, и верность традиции вольной республике в молодом поколении. Но при этом всех их объединяет соборность, сила духа и любовь к родному городу.

Литература

1. Григорьев, А.А. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Псковитянка, драма Л. Мея. / А.А. Григорьев / Время. 1861. № 4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philolog.ru/filolog/writer/pdf/javlengr.pdf>. – Дата доступа: 10. 01.2017.
2. Григорьев, А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина / А.А. Григорьев. Искусство и нравственность. – М.: Современник, 1986. – С.70-143.
3. Егоров, Б.Ф. Аполлон Григорьев / Егоров Б.Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. – М.: Летний сад, 2009. – С.176 -231.
4. Житкова, Л.Н. Народность как эстетическая категория в русской литературной критике XIX века. / Л.Н.Житкова. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journals.urfu.ru/http://yandex.ru/click/isredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=1338.fzRY5nxIXEaJBPQ2lFiyu_b48PbVoE-xH612TzCZ_0R9BcM6NWcDC3tlYrfq-MWq8Z2GmPFGInmla8poY0SCpLR2RotlNe5_R8Gkoo5ibOj9e9TDhh03ciPRVDv4wx_XUKvRPIngv05LwWgCokEGEGYy4-p-vccm-U5r_AG4-me5sMXPpK4a1GLepWrTy_PmT0Y9pzHJLGLnU04jsfhCuZoRzND28Fk6pow5BJ-bVXtbuCXCKooxR2qs3-0VTU90.c6e4e510abe08efb2e5be0f19344c3b95eac6988&uuid=&state=PEtFfuTeVD4jaxywoSUVtB2i7c0_vxGdxRuXflZHOFBNCIHCARR3B6nlBWFkYRWGrq5Tq9CDmwo_zdOySpB6BwK3ubM1KCq&data=UINrNmk5WktYejY4 – Дата доступа: 12.02.2017.
5. Журавлева, А.И. «Органическая критика» Аполлона Григорьева / Григорьев А.А. Эстетика и критика. – М.: Искусство, 1980. – С.7-47.
6. Иванов, Е.П. Псковский характер в контексте исторического процесса / Е.П. Иванов. Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция: В 2 т. Т. 2. Моск. Гос. ун-т печати. – М.: МГУП, 2003. – С.3-12.
7. Мей, Л.А. Псковитянка. / Л.А. Мей Избр. Произведения. – Л.: Сов.писатель, 1972. – С. 423-532.

N. Tsvetkova

Pskov State University

e-mail: tsvetkova48@yandex.ru

"Pskovityanka" by L.A. Mey by estimate of A.A. Grigorjev: the Pskovian's image

Key words: L. Mey, A. Grigorjev, the drama "Pskovityanka, review, female image, national character, Pskovian's image.

The article explores the unknown up to the present time A.A. Grigorjev's critical essay about the drama "Pskovityanka" by L.A. Mey, reviews his assessment of the Pskovians' images and display of their characters in a critical period in the history of the Pskov veche republic.

А.М. Чарнавокая

Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

e-mail: lecsa87@gmail.com

УДК 821.161.3.09

АКТУАЛІЗАЦЫЯ ПРЫНЦЫПАЎ САВЕЦКАЙ ГЕНДАРНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ 1920-х - 1930-Х ГАДОЎ

Ключавыя словы: сацыялістычны рэалізм, выхаваўчая функцыя мастацтва, мадэрнізацыя, адукацыя, мастацкая рэпрэзентацыя жанчыны.

У артыкуле на матэрыяле апавяданняў Якуба Коласа, Змітрака Бядулі, Кузьмы Чорнага даследуюцца жаночыя вобразы, якія паўстаюць ілюстрацыяй да савецкіх лозунгаў «вызвалення жанчыны», далучэння жанчыны-сялянкі да «новага жыцця»; аналізуюцца сутнасныя змены ў мастацкім падыходзе да рэпрэзентацыі жанчыны-сялянкі ў параўнанні з прозай дарэвалюцыйнага перыяду.

Савецкая эпоха сталася для беларускай культуры часам абсалютызацыі сацыяльнай, выхаваўчай функцыі мастацтва. Так, у прамове сакратара ЦК ВКП (б) А.Жданова на Першым усесаюзным з'ездзе савецкіх пісьменнікаў (1934 г.) было адзначана, што «праўдзівасць і гістарычная кан-